

колонны во фронт, а было их штук 20, и дружно двинулись на нас, открыв огонь из пулеметов. «Да это же немцы!» - раздался крик, но было поздно. Спрятаться было негде, оружия против танков, да и вообще почти никакого у нас не было. Свою раненую правую руку я засовывал за пояс, чтобы не болталась, к боли уже привык, повязка присохла к ране, и ее лишний раз трогать не хотелось. Казалось, единственным спасением была скирда соломы, туда все и бросились. Находясь в толпе, я увидел, что двое или трое солдат упали и поползли в гречиху, а не побежали к скирде. То же сделал и я. Гречиха была невысокая, чуть выше полуметра, я прополз в ней подальше от дороги и затаился.

Хорошо были слышны крики солдат, которых немцы давили гусеницами танков или расстреливали спрятавшихся за скирдой, обезжая ее вокруг.

Когда все было кончено танки ушли в то село, где мы ночевали, оставив один «для порядка». Он ездил по дороге туда-сюда, изредка постреливая из пулемета, если где-то замечал шевеление.

Наконец, стало смеркаться, танк уехал в село. Вокруг меня зашевелились люди. Нас оказалось семь умников, не побежавших к скирде и потому оставшихся в живых. Первая мысль у всех семерых была одна: прочь, подальше от этого страшного места. Гречиха кончилась, за ней пошла кукуруза; местность все понижалась, кончилась и кукуруза, под ногами зачавкало болото, мы все шли, шедший впереди сказал, что уже в сапоги набрал воды, потом воды стало по пояс, и, наконец, мы выбрались на сухой берег. Была ночь, над головой шумели деревья, хотелось есть. Мы выбрали в темноте на ощупь сухой бугорок, разделись, вылили воду из сапог, выкрутили мокрые штаны и снова натянули их. Один из нас, по голосу старший, стал устраивать ночлег, он сказал, что мы здесь побудем до утра. Лес не лес, а все же – укрытие, и стал сгребать ногой в